

НЕНАВИЗУ ТЕБЯ ДО ПЕРВОГО СНЕГА

Anastasiia Z

Anastasiia Z

Ненавижу тебя до первого снега

<https://litres.ru/74680998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Емма Моро любит порядок, чёткие планы и мечтает о Париже. Тео Вальмон любит нарушать чужое спокойствие, самоуверенно улыбаться и выводить её из себя одним своим присутствием.

Они совершенно не похожи друг на друга — и с первой встречи это становится очевидно. Но случайная поездка в заснеженную Швейцарию, компания хоккеистов, острые перепалки и слишком тесное соседство постепенно усложняют их взаимную неприязнь.

Потому что иногда между «ты меня раздражаешь» и «почему я всё время о тебе думаю?» гораздо меньше, чем хотелось бы.

Особенно если оба слишком упрямы, чтобы признать это первыми.

Содержание

Двадцать один	4
Мужчина в чёрном	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Anastasiia Z

Ненавижу тебя до первого снега

Двадцать один

В день моего рождения дождь шёл с самого утра.

Не сильный, не настолько отчаянный, чтобы можно было остаться дома без угрызений совести, а мелкий и настойчивый — такой, от которого волосы теряют форму, замша темнеет, а город приобретает цвет старой фотографии.

Я проснулась раньше будильника и некоторое время лежала, глядя на потолок.

Двадцать один.

Цифра казалась взрослой, почти окончательной. В детстве я представляла этот возраст иначе: мне виделась девушка с собственной квартирой, безупречной осанкой и жизнью, которая складывается в красивую последовательность решений. Она знала, чего хочет, умела не сомневаться в себе и никогда не открывала холодильник в поисках чего-нибудь съедобного, обнаруживая там только половину лимона и банку горчицы.

В действительности я жила с Лили Бенуа, у меня было три

непрочитанных письма от университета, предстояло подготовить эссе, а до подачи документов на обмен в Париж оставалось столько формальностей, что иногда мне казалось: попасть туда можно только в том случае, если я выйду замуж за сотрудника международного отдела.

Я перевернулась на бок и потянулась к телефону.

Мама прислала сообщение в семь утра.

С днём рождения, моя девочка. Позвони, когда проснёшься. Люблю тебя.

Под сообщением стояло сердечко.

Я улыбнулась и ответила, что позвоню вечером. Потом открыла почту, хотя обещала себе не делать этого хотя бы сегодня.

Письмо от университета оказалось автоматическим напоминанием о сроках подачи документов.

Я закрыла его.

Иногда мне хотелось научиться жить так, будто мир не рухнет, если я хотя бы на несколько часов перестану следить за тем, всё ли делаю правильно.

Пока успехи в этом направлении были скромными.

К полудню дождь немного ослаб, и я отправилась за продуктами.

Лили с утра объявила, что ужин в честь моего дня рождения приготовит сама. Я попыталась возразить, напомнив, что мы вполне можем заказать что-нибудь хорошее, но она посмотрела на меня с таким видом, словно я отказалась от

её предложения пожертвовать собой ради человечества.

— Ты постоянно готовишь, — сказала она. — То есть разогреваешь суп и называешь это приготовлением. Сегодня я хочу сделать что-то настоящее.

— Ты умеешь делать что-то настоящее?

— Емма, я работаю с цветами. Я каждый день создаю красоту.

— Цветы не нужно варить.

— Вот поэтому я и выбрала цветы.

Я всё-таки купила продукты: пасту, сливки, пармезан, грибы, немного зелени и бутылку вина. Рецепт я нашла в интернете и отправила Лили, выделив жирным шрифтом два пункта: не менять последовательность действий и не добавлять ингредиенты по наитию.

Она ответила фотографией своего среднего пальца.

Когда я вернулась домой, на кухне пахло чесноком и чем-то подгоревшим.

Лили стояла у плиты, держа телефон в одной руке и деревянную ложку в другой. На столешнице лежали раскрытая пачка пасты, упаковка сливок и грибы, нарезанные с разной степенью уверенности.

— Как дела? — спросила я, снимая пальто.

— Прекрасно.

Я посмотрела на сковороду.

— Почему ты уже добавила сливки?

— Потому что рецепт сказал добавить сливки.

— После грибов.

— Они там есть.

— Я вижу. Но почему они плавают в сливках?

Лили склонилась над сковородой, словно надеялась, что при ближайшем рассмотрении ситуация окажется менее серьёзной.

— Возможно, я неправильно поняла понятие «обжарить».

Я подошла ближе и убавила огонь.

— Ты вообще пробовала готовить пасту раньше?

— Конечно.

— Когда?

— В университете.

— И как?

— Я не помню. Это было давно.

— Лили, мы учимся на одном курсе.

— Именно. У меня насыщенная жизнь.

Я не удержалась от улыбки. Она заметила это и тоже улыбнулась, с облегчением, которое попыталась скрыть за очередным деловым движением ложки.

Мне вдруг стало немного стыдно за своё раздражение. Лили могла забыть купить молоко, потерять ключи, опоздать на автобус и одновременно каким-то образом успеть помочь незнакомой женщине донести тяжёлые сумки. Она не умела организовывать собственную жизнь так, как умела я, но в ней было нечто, чего мне самой часто не хватало: лёгкость, с которой она принимала несовершенство вещей.

Даже собственное.

Я посмотрела на часы.

— Давай я сварю пасту.

— Нет.

— Хорошо. Тогда давай спасём соус.

— Тоже нет.

— Что именно ты разрешаешь мне делать?

— Сесть и праздновать свой день рождения.

Она произнесла это с такой серьёзностью, что я послушалась.

Следующие двадцать минут мы пытались исправить положение. Лили добавила ещё немного сливок, я предложила начать соус заново, потом мы обе решили, что выбрасывать продукты в день рождения — дурная примета. В конце концов паста оказалась на тарелках.

Она была съедобной.

Теоретически.

Мы попробовали по одной вилке и одновременно замолчали.

Лили медленно положила вилку на стол.

— Я думаю, нам нужна пицца.

— Я тоже так думаю.

Она заказала две: одну с грибами и сыром, другую с прошутто. Пока мы ждали доставку, Лили убрала со стола, зажгла свечи и поставила в вазу цветы, которые принесла из магазина.

Я наблюдала за ней, сидя на подоконнике.

Она старалась сделать этот вечер особенным. Не потому, что мне исполнялся двадцать один год, а потому, что знала: в последнее время я слишком редко позволяла себе что-нибудь, не имеющее практического смысла.

Я могла потратить полчаса, выбирая между двумя изданиями одной книги, но почти никогда не покупала билет на концерт без предварительного изучения расписания на следующий день. Могла часами подбирать пальто, зато соглашалась на встречу с друзьями только после того, как убеждалась, что всё необходимое на неделю уже сделано.

Лили никогда не говорила, что это неправильно. Она просто время от времени пыталась вытащить меня из моего аккуратно устроенного мира.

Иногда неудачно.

Но пыталась.

— Спасибо, — сказала я.

Она обернулась.

— За пиццу?

— За вечер.

На секунду её лицо стало серьёзным.

— Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

— Знаю.

— Хорошо. Потому что пасту я больше никогда не приготавливаю.

Я рассмеялась, и она довольно улыбнулась.

Вскоре в дверь позвонили. Мы принесли коробки в гостиную, устроились на диване и открыли вино. За окнами темнело. На стекле дрожали отражения свечей, а дождь постепенно превращался в тонкую дымку.

Впервые за несколько недель мне не нужно было никуда спешить.

Я решила, что это уже неплохой подарок.

Мама позвонила около восьми.

Я услышала её голос ещё до того, как ответила: Лили, увидев имя на экране, демонстративно приложила палец к губам и указала на дверь спальни.

— Иди, — прошептала она. — Я не буду подслушивать.

Я посмотрела на неё с сомнением.

— Разумеется, — добавила Лили. — Я буду уважать твою личную жизнь.

Я ушла в свою комнату и закрыла дверь.

— Мам, привет.

— С днём рождения, моя девочка.

Она сказала это уже второй раз за день, но я всё равно почувствовала, как что-то внутри меня смягчилось.

— Спасибо. Прости, что не позвонила раньше.

— Ничего страшного. Ты занята. Как всегда.

В её голосе не было упрёка. Скорее та особенная нежность, с которой говорят о привычках близкого человека, давно переставших удивлять.

Мы поговорили о погоде, о работе мамы, о том, что она

собирается приготовить на выходных. Она спросила, хорошо ли я питаюсь, хватает ли мне денег и не слишком ли холодно в квартире. Я отвечала, глядя на свои книги, сложенные на письменном столе в три ровные стопки.

— И всё же, Емма, — сказала она наконец, — я надеюсь, что ты сегодня не занималась.

Я села на край кровати.

— Немного занималась утром.

— Конечно.

— Мам.

— Я ничего не говорю. Просто иногда мне кажется, что ты не умеешь останавливаться.

Я провела пальцем по шву покрывала.

— У меня сейчас сложный семестр.

— Я знаю. И я тобой горжусь. Ты всегда была старательной. Но мне хочется, чтобы у тебя было что-то ещё.

Я знала, что она имеет в виду. Мы уже говорили об этом раньше, и каждый раз разговор заканчивался примерно одинаково: мама беспокоилась, я защищалась, потом мы обе чувствовали себя виноватыми.

— Что именно? — спросила я, хотя прекрасно понимала.

— Люди, встречи. Кто-нибудь, с кем можно провести вечер, не думая о завтрашнем дне. Молодой человек, например.

Я посмотрела в окно.

На улице женщина пыталась укрыть сумку от дождя, при-

жав её к груди. На соседнем балконе кто-то развешивал бельё, хотя погода совершенно не располагала к подобным решениям.

— Я не против отношений, мам.

— Я знаю. Но иногда мне кажется, что ты ждёшь, пока вся остальная жизнь будет устроена идеально.

Я хотела ответить, что идеального момента не существует. Что у меня нет времени на случайные знакомства и бессмысленные свидания. Что я не хочу начинать отношения только ради того, чтобы успокоить её.

Вместо этого я спросила:

— Ты думаешь, со мной что-то не так?

На другом конце стало тихо.

— Нет, дорогая. Конечно, нет.

Она ответила так быстро, что я поняла: именно этого вопроса она и боялась.

— Я просто не хочу, чтобы ты всё время была одна со своими заботами. Ты привыкла справляться сама. Но это не значит, что ты обязана всё делать одна.

Я опустила голову.

В детстве мама всегда говорила, что я могу добиться всего, чего захочу, если буду достаточно стараться. Она никогда не требовала от меня быть лучшей. Это я сама решила, что если уж мне что-то даётся, то я не имею права делать это вполсилы.

Со временем старание стало чем-то вроде доказательства

собственной состоятельности. Я не столько стремилась к успеху, сколько боялась обнаружить, что без него мне нечем гордиться.

— Я справляюсь, — тихо сказала я.

— Я знаю. Именно поэтому иногда переживаю.

Мне захотелось рассказать ей о Париже. О том, как часто я представляла себе улицы, по которым ещё никогда не ходила одна. О том, что эта поездка для меня не просто строчка в резюме и не способ доказать профессору Бертрону, что он ошибается. Мне хотелось проверить, какая я вне привычных стен, вне оценок и ожиданий, вне роли человека, который всегда знает, что делать дальше.

Но я не сказала ничего из этого.

Пока это было слишком хрупким, чтобы произносить вслух.

— Я обещаю, что буду больше отдыхать, — сказала я.

— И, может быть, познакомишься с кем-нибудь?

Я улыбнулась.

— Ты всё-таки вернулась к этому.

— Я твоя мать. Это входит в обязанности.

— Тогда я надеюсь, что в твоём контракте предусмотрены выходные.

Она засмеялась.

Перед тем как попрощаться, мама ещё раз поздравила меня и сказала, что любит меня. Я ответила тем же, а потом некоторое время сидела неподвижно, держа телефон в руке.

Я не сердилась на неё. Её желание видеть меня счастливой было таким же искренним, как моё желание доказать, что я могу устроить собственную жизнь без посторонней помощи.

Просто мы по-разному представляли себе счастье.

Когда я вернулась в гостиную, Лили не стала задавать вопросов. Она подвинула ко мне коробку с пищей и включила музыку.

Я была благодарна ей за это молчание.

Позже мы разрезали торт.

Он оказался небольшим, с белым кремом и тонкими шоколадными завитками. Лили поставила его на стол и зажгла двадцать одну свечу. Несколько минут мы обе смотрели, как их огонь отражается в оконном стекле.

— Загадывай, — сказала она.

Я закрыла глаза.

В последнее время мои желания всё чаще напоминали список дел. Получить рекомендацию. Подать документы. Сдать экзамены. Уехать в Париж. Не подвести тех, кто в меня верит. Не оказаться человеком, который много обещал себе и в итоге остался там же, где начинал.

Всё это было важно. Я не собиралась притворяться, будто мои амбиции ничего не значат.

Но сегодня мне захотелось пожелать себе чего-то, что не требовало бы усилий, расписания или чьего-либо одобрения.

Чего-то, что нельзя было заслужить.

Я загадала желание и открыла глаза.

— Ну? — спросила Лили.

— Нет.

— Даже намёка?

— Ни одного.

Она закатила глаза, но больше не настаивала.

Мы съели по кусочку торта, оставили остальное на завтра и ещё долго сидели на диване, разговаривая о пустяках. Лили рассказывала о женщине, которая пришла в цветочный магазин за букетом для бывшего мужа, а ушла с растением в горшке и решением больше никогда не выходить замуж. Я слушала, иногда смеялась, иногда просто смотрела на огни за окном.

Ближе к полуночи я убрала чашки и выключила свечи.

В комнате пахло воском, кофе и цветами. На столе лежала книга, которую я собиралась дочитать ещё неделю назад. На стуле висело пальто, приготовленное на завтра. Телефон снова напомнил о неп прочитанных письмах, и я перевернула его экраном вниз.

Мне не хотелось ничего исправлять.

Ни себя, ни этот вечер, ни собственную жизнь, которая всё ещё казалась мне незаконченной работой.

Возможно, взрослеть означало не научиться справляться со всем самостоятельно, а однажды позволить себе не знать ответа.

Я пока не умела этого делать.

Но в тот вечер, в двадцать один год, я хотя бы попробовала.

Мужчина в чёрном

В понедельник утром дождь шёл так, словно у него были личные претензии к городу.

Он стекал по крышам остановок, собирался в лужах у тротуаров и оставлял на стёклах автомобилей мутные дорожки. Небо над университетским кварталом было низким, серым и совершенно не располагало к великим свершениям. Впрочем, оно вообще редко интересовалось моим расписанием.

А моё расписание, в отличие от погоды, было безжалостным.

Я опаздывала.

Не катастрофически, не настолько, чтобы пришлось бежать по улице с развевающимся пальто и драматично размахивать сумкой, но достаточно, чтобы каждые несколько секунд смотреть на часы и мысленно обвинять всех, кто двигался медленнее меня.

Особенно водителей.

Мои сапоги скользили по мокрому асфальту, кашемировый шарф щекотал подбородок, а волосы, которые я утром старательно уложила, уже начинали жить собственной жизнью. В такие минуты я особенно остро ощущала несовершенство мира. Люди изобрели спутниковую навигацию, беспроводную связь и машины, способные разгоняться до неприличных скоростей, но так и не придумали способ со-

хранить укладку под ноябрьским дождём.

На перекрёстке перед университетом собралась пробка. Автомобили стояли бампер к бамперу, кто-то нервно сигналил, а автобус перекрыл половину полосы, словно решил устроить здесь внеплановую остановку навсегда.

И посреди всего этого обнаружился чёрный Mercedes.

Машина стояла у обочины, слегка накренившись на заднее колесо. Рядом с ней мужчина в тёмном пальто разговаривал по телефону, засунув свободную руку в карман.

Он выглядел удивительно спокойно для человека, который только что стал причиной коллективного нервного срыва нескольких десятков незнакомцев.

Светлые волосы, широкие плечи, дорогие часы. Даже издали в нём угадывалась та порода мужчин, которые привыкли входить в помещение так, будто оно давно ждало именно их.

Я посмотрела на часы.

Восемь сорок две.

До начала семинара оставалось три минуты.

Я могла пройти мимо. Собственно, должна была. У меня были собственные проблемы, и ни одна из них не включала необходимость спасать незнакомых мужчин от последствий их автомобильных неудач.

Но заднее колесо выглядело настолько очевидно спущенным, что моё чувство ответственности, обычно проявлявшее себя в самых неподходящих обстоятельствах, взяло верх.

Я остановилась.

— У вас спущено колесо.

Мужчина поднял голову и посмотрел сначала на меня, затем на машину.

Глаза у него оказались неожиданно светлыми — серо-голубыми, почти прозрачными при таком пасмурном освещении.

— Правда? А я думал, она решила присесть.

Я несколько секунд смотрела на него, пытаюсь понять, шутит ли он.

— Тогда передайте ей, что место для отдыха выбрано неудачно. Она мешает движению.

Уголок его рта дрогнул.

— Передам. Хотя у неё, кажется, тяжёлый характер.

Он закончил разговор, убрал телефон и открыл багажник.

Я собиралась уйти. Действительно собиралась. Но любопытство оказалось сильнее здравого смысла, а мужчина тем временем начал перебирать вещи с таким сосредоточенным видом, словно искал не ремкомплект, а документы на наследство.

В багажнике лежала спортивная сумка, сложенное пальто, пара хоккейных перчаток и несколько коробок. Никакого запасного колеса.

— Оно обычно находится под полом багажника, — заметила я.

Он обернулся.

— Вы всегда так охотно помогаете незнакомым мужчинам?

— Только тем, кто устраивает выставку личных вещей посреди дороги.

— Тогда мне повезло. Я давно хотел привлечь внимание общественности.

— Можете считать, что вам это удалось.

Он усмехнулся и приподнял коврик. Под ним обнаружился ремкомплект.

Мы оба посмотрели на коробку.

На секунду мне показалось, что он сейчас скажет что-нибудь разумное, достанет нужные инструменты и займётся делом. Вместо этого он перевернул упаковку, прочитал инструкцию и нахмурился.

Я отвернулась.

Поздно. Он заметил.

— Не смейтесь.

— Я не смеюсь.

— У вас очень выразительное лицо.

— Зато инструкция у вас довольно невыразительная. Может, дело в ней?

Я поправила шарф и посмотрела на дорогу. За нашими спинами кто-то снова посигналил.

— В двух кварталах отсюда есть мастерская, — сказала я.

— Если не хотите испортить диск, лучше вызвать помощь.

— Уже вызвал.

— Прекрасно. Значит, у вас всё под контролем.

— Почти. Осталось разобраться с колесом.

— И инструкцией.

— И вашим мнением обо мне, как я подозреваю.

Он произнёс это без обиды, скорее с любопытством.

Я посмотрела на него внимательнее.

Пальто действительно было дорогим. Часы тоже. Машина — тем более. Но в его облике не было той нарочитой демонстративности, которая обычно раздражала меня в людях, привыкших покупать себе любые удобства. Он просто стоял под дождём, слегка растрёпанный, с инструкцией в руках и совершенно не собирался оправдываться за собственное существование.

Что, признаться, раздражало ещё сильнее.

— С последним вы справитесь самостоятельно, — ответила я. — Удачи.

Я уже развернулась, когда он заговорил снова:

— И вам удачи на дороге к мировому господству.

Я остановилась.

— Простите?

Он кивнул на мою сумку, из которой торчали конспекты, распечатки и толстая книга с цветными закладками.

— Вы выглядите так, будто собираетесь кого-то экзаменовать. Я решил, что ваши планы выходят далеко за пределы университета.

— Только тех, кто этого заслуживает.

— Тогда мне повезло, что я не ваш студент.

— Не обольщайтесь. Я бы начала с ремкомплекта.

Его улыбка стала шире.

Я ушла, пока он не успел придумать ещё что-нибудь.

На этот раз я действительно не обернулась.

Профессор Бертран считал пунктуальность одним из последних признаков цивилизации. Опоздание, по его мнению, свидетельствовало не столько о плохом планировании, сколько о моральной распушенности.

Поэтому, когда я появилась в аудитории, он посмотрел на меня с выражением человека, которому только что подтвердили самые мрачные подозрения относительно молодого поколения.

— Мадемуазель Моро. Девять минут.

— Восемь, профессор.

В аудитории кто-то тихо засмеялся.

Бертран снял очки.

— Вы решили торговаться?

— Нет. Я решила не тратить ещё одну минуту на неточную статистику.

Смех стал громче.

Я тут же пожалела о сказанном. Не потому, что стыдилась ответа, а потому, что Бертран относился к публичному веселью примерно так же, как средневековая церковь к ереси.

— Как приятно видеть, что ваше чувство юмора развивается быстрее пунктуальности.

— Я работаю над обоими навыками, профессор.

— Надеюсь, второй получит больше внимания.

Я села на свободное место и открыла тетрадь.

Больше ни слова.

По крайней мере, до тех пор, пока меня не спросят.

Меня спросили через четыре минуты.

Семинар был посвящён французской литературе XIX века, и в обычных обстоятельствах я получала удовольствие от подобных занятий. В книгах меня привлекало то, что люди редко умели объяснять собственные поступки, но авторы хотя бы пытались разобраться в причинах. В жизни же большинство предпочитало объявлять себя жертвой обстоятельств и на этом заканчивать расследование.

Бертран был хорошим преподавателем. Это приходилось признать даже мне. Он замечал слабые места в аргументации, умел задавать вопросы, после которых приходилось пересчитывать целые главы, и не позволял студентам прятать отсутствие мысли за красивыми словами.

К сожалению, он также умел превращать любую ошибку в небольшое публичное мероприятие.

Когда семинар закончился, я собрала вещи с чувством человека, который пережил интеллектуальную дуэль и не уверен, что победил, но по крайней мере остался жив.

В коридоре меня ждала Лили.

Она прислонилась к подоконнику, держа телефон обеими руками. Её тёмные кудри сегодня напоминали облако, кото-

рое по каким-то причинам решило поселиться у неё на голове. Зелёные глаза были сосредоточены на экране, а на губах играла улыбка.

— Что смотришь? — спросила я.

— Ничего особенного. Просто пытаюсь понять, почему люди публикуют фотографии завтраков, которые выглядят так, будто их приготовили в больничной столовой.

— Возможно, они хотят поделиться своей болью.

— Тогда пусть пишут дневник. Не обязательно вовлекать в это общественность.

Она убрала телефон и оглядела меня.

— Ты опоздала.

— Спасибо. Без тебя я бы не заметила.

— Бертран?

— Он считает, что я недостаточно уважаю часы.

— А часы, вероятно, считают, что ты недостаточно уважаешь их владельца.

Мы направились к лестнице. Я рассказала ей о Mercedes, спущенном колесе и его владельце, который, судя по всему, считал чтение инструкции достойным поводом для светской беседы.

Лили слушала молча — подозрительный знак.

— Красивый? — наконец спросила она.

— Ты слышала только половину истории.

— Я слышала самую важную.

— Он был самоуверенным.

— Это не ответ.

Я вздохнула.

— Светловолосым.

— Уже лучше.

— С очень светлыми глазами.

Лили медленно повернула голову.

— Продолжай. Мне нравится это дело.

— Какое ещё дело?

— Ничего. Просто удивительно, сколько подробностей ты запомнила о человеке, который тебе не понравился.

— Я изучаю литературу. Наблюдательность — профессиональная деформация.

— А у меня профессиональная деформация — замечать, когда человек врёт самому себе.

Я посмотрела на неё.

— Тогда тебе стоило стать психотерапевтом.

— Нет, там нельзя продавать букеты. К тому же цветы хотя бы не пытаются объяснить, почему бывшая жена их неправильно поняла.

Я рассмеялась.

Лили работала во флористическом магазине неподалёку от университета и успела накопить удивительную коллекцию историй о людях, которые покупали цветы после ссор, перед признаниями и в качестве запоздалых извинений. По её словам, розы были свидетелями такого количества мужских преступлений, что давно заслужили право давать показания

в суде.

Мы спустились на первый этаж.

У главного входа стоял незнакомый мужчина в тёмно-синем свитере. Он был красив той лёгкой, почти беззаботной красотой, которая обычно не требует усилий и потому нередко портит характер. Тёмные волосы, уверенная улыбка, стаканчик кофе в руке. Он оглядывался по сторонам, будто выбирал, к кому обратиться, и остановил взгляд на нас.

— Девушки, вы случайно не знаете, где здесь факультет французской филологии?

Лили посмотрела на вывеску над дверью.

— Вы стоите под ней.

Мужчина поднял голову, оценил надпись и кивнул.

— Вот это удача. Я всегда говорил, что судьба любит тех, кто задаёт правильные вопросы.

— А вы часто задаёте неправильные? — спросила я.

— Только когда хочу познакомиться.

Он произнёс это без малейшего смущения.

Я посмотрела на Лили. В её глазах появилось знакомое выражение: она обнаружила нечто потенциально интересное и теперь решала, стоит ли приближаться или лучше дать ему спокойно жить в естественной среде обитания.

— То есть вы не ищете факультет? — уточнила она.

— Теперь ищу вас.

— Но вы нас ещё не знаете.

— Именно. У меня прекрасный вкус, но я стараюсь не

ограничивать его знакомыми лицами.

Я невольно улыбнулась.

Он заметил это и, кажется, счёл маленькой личной победой.

— Александр Морель, — представился он. — Но друзья зовут меня Алекс.

— А незнакомые женщины? — спросила Лили.

— Пока никак. Но я надеюсь исправить ситуацию.

Она пожала ему руку, словно принимала заявку на рассмотрение.

— Лили. А это Емма. Она не любит незнакомых мужчин с заготовленными фразами.

— Значит, мне нужно импровизировать?

— Вам нужно было начать с «привет», — сказала я.

— Емма, я начинаю подозревать, что вы из тех женщин, которые отвергают мужчину ещё до того, как он успеет совершить ошибку.

— Нет. Обычно я даю им возможность.

— Как великодушно.

— Не благодарите. Возможности у всех одинаковые. Результаты разные.

Алекс рассмеялся, и я поняла, что он совершенно не собирается обижаться. Вероятно, его самолюбие было достаточно крепким, чтобы пережить несколько отказов, а может быть, он просто привык воспринимать женское раздражение как начало переговоров.

— Хорошо, попробую ещё раз, — сказал он. — Я Александр. Я искал факультет, заблудился и решил, что знакомство с вами обеими будет достойной компенсацией за потерянное время.

— Вы заблудились в здании, где есть указатели? — уточнила Лили.

— Я предпочитаю говорить, что исследую территорию.

— Очень удобное название для неумения читать.

Он приложил руку к груди.

— Вы всегда так жестоки с людьми, которых только что встретили?

— Только если они дают повод.

— Тогда я постараюсь вести себя прилично.

— Не переусердствуйте, — сказала я. — Это может вас испортить.

Он посмотрел на меня с явным удовольствием.

— Вот теперь я уверен, что хочу познакомиться с вами поближе.

— А я уверена, что вам нужно расширить круг интересов.

— Я умею быстро принимать решения.

— Это заметно.

На этот раз улыбнулась даже Лили.

Алекс посмотрел на часы, допил кофе и вздохнул.

— Мне пора на тренировку. Если опоздаю, тренер заставит меня бегать.

— За опоздание? — спросила Лили.

— За опоздание, за плохую игру, за то, что слишком много разговариваю. Иногда мне кажется, что он просто ищет повод.

— Возможно, вы его предоставляете, — заметила я.

— Возможно. Но я предпочитаю считать, что это моя харизма испытывает его терпение.

— Очень удобно, когда у недостатков есть красивое название.

Он рассмеялся, отступил к двери и поднял стаканчик в прощальном жесте.

— Емма, Лили, было приятно. Если когда-нибудь решите дать мне второй шанс, обещаю начать с «привет».

Он ушёл, не попросив номера и не попытавшись задержать нас ещё на пять минут. Это было почти разочаровывающе: я успела подготовить несколько отказов, а он лишил меня возможности их применить.

Лили проводила его взглядом.

— Симпатичный.

— Ты говоришь это о каждом втором мужчине.

— Неправда. О каждом третьем я говорю, что он симпатичный, а о каждом втором — что ему нужен хороший парикмахер.

— А что ты думаешь об Алексе?

Она задумалась.

— Думаю, он из тех, кто умеет заказать женщине ужин на французском, но не сможет вспомнить, что она заказывала,

потому что всё это время смотрел ей в глаза.

— Романтично.

— Не очень. Особенно если она аллергик.

Мы вышли на улицу. Дождь почти закончился, и воздух пах мокрым камнем, сырой листвой и кофе из маленького кафе напротив. Облака немного разошлись, пропуская тусклый свет, который делал город похожим на старую фотографию.

Лили направилась к остановке, откуда ей предстояло ехать в магазин. Я собиралась в библиотеку: нужно было закончить работу по французской литературе и ещё раз проверить требования программы обмена. Париж существовал в моей голове не как красивая открытка с Эйфелевой башней, а как конкретная цель, состоящая из документов, оценок, рекомендаций и множества мелочей, которые нельзя было упустить.

Я не любила зависеть от случая.

Случай, как правило, обладал отвратительным чувством времени.

— Увидимся вечером, — сказала Лили. — И постарайся не влюбиться в кого-нибудь по дороге.

— Я постараюсь вообще ни в кого не врезаться. Для понедельника это уже амбициозная программа.

Она рассмеялась и ушла.

Я осталась на тротуаре, поправляя ремень сумки на плече. В голове всё ещё крутились отдельные фразы из разго-

вора с Алексом, но гораздо чаще я вспоминала мужчину у Mercedes. Не потому, что он мне понравился. По крайней мере, именно так я объяснила бы это, если бы кто-нибудь спросил.

Меня раздражала его спокойная уверенность, его улыбка, его манера отвечать так, будто он не видел необходимости оправдываться. И ещё то, что он умудрился рассмешить меня в момент, когда у меня совершенно не было на это времени.

Я предпочитала людей, которых можно было понять с первого взгляда.

Это сэкономило силы, а силы мне требовались для более важных вещей.

Я достала из сумки наушники, распутала провод, вставила их в уши и пошла к библиотеке. На следующем перекрёстке пришлось остановиться перед красным светом. Рядом молодой человек пытался одновременно удержать зонт, пакет с продуктами и телефон, прижатый к уху плечом.

Зонт вывернуло ветром.

Я отвернулась, чтобы не засмеяться.

Всё-таки понедельник были удивительно щедры на чужие неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.